

О малой деревне замолвите слово

Продолжение. Начало в №12

Праздновать тоже любили и умели, как и работать. "На престол" ходили к родне в ту деревню, где праздник. Про Раменьё я сказала, в Руднёве был крестный ход и Рождество Христово, во Фролёве праздновали "Ильинскую пятницу", в Букино ходили на Сретение.

К празднику готовились задолго. В приозёрных деревнях

РАМЕНЬЁ

были песни и пляски с частушками, случались и драки. Не по злобе - просто не может русский человек без экстрима.

Отдыхали не только по праздникам. У мужиков были свои "клубы по интересам". На-

вечер. Девки приходили с рукоделием, но это было не главное. Разговаривали, пересушивались, переглядывались с ребятами, влюблялись. В общем, всё как положено. Идя на праздник или просто на гулянку, девки понятия не имели, чтоб краситься, но парным молоком умывались. Иногда прямо по дороге, если путь пролегал мимо стада. Всем хотелось быть белыми, особенно моей бабушке Насте, у которой была веснушчатая кожа. Да говорят, вся Фоница порода рыжая.

Говорим с вами о праздниках, а про вино лишь обмолвились. Непорядок. К выпивке тоже относились ответственно, как к любому делу. В каких деревнях сапожники гнали по баням, а в Раменьё процесс был централизован. На задворках стояла водогрейка, её оборудовали соответствующим образом и мужики друг за другом, в порядке очереди выпускали продукт. Гнали с запасом, чтоб хватило, но без фанатизма — это вам не баловство какое. Очередь уважали и чужого не пробовали. А во Фролёве, слышно было, пошаливали.

В Раменьё вообще был дружный народ. Рассказывают, в незапамятные времена в деревне убили какого-то заезжего богатенького мужичка - "кошеля". Был розыск, и конечно, деревенские знали виновного, но ведь не выдали! С тех пор пошло прозвище "раменские кошелё".

Не знаю, как восприняли в деревне весть о революции, а к коллективизации отнеслись с пониманием. Про прадедушкины пустоши я уже упомянула, не отстало и Раменьё. Сюда приехала сестра деда Александра Евдокия Лазаревна. Она жила в Питере, но в двадцатых годах по велению партии поехала в деревню организовывать колхозы. Женщина она была умная, и за дело она вместе с деревенскими активистами взялась с учётом векового крестьянского опыта, но применяя современную науку. Колхоз назвали «Борьба». На фермах устраивали родильные отделения, в телятниках и свинарниках ставили печи. Строго соблюдали севооборот. В колхозе была пасека, овощной огород. В сороковом году был такой урожай хлеба, что девать было некуда! Первый намолот зерна и гороха потихоньку раздавали своим колхозникам, остальное, как и положено, — государству. Вокруг деревни стояли конюшни, овчарня, два коровника, гумна, риги, амбары. Дедушка Саша работал в колхозе кладовщиком, в начале войны его сменил на этом посту жена Анастасия. Сын Коля, мой отец, вёл активную общественную работу, был пионервожатым, выезжал работать в лагерь, который был организован в Рождестве (располагался на нынешней Заречной улице, пониже часовни, по другую сторону дороги). С колхозами жизнь изменилась — раньше работали только на себя, теперь нужно было успевать и дома, и в колхозе. Но привычные к труду люди приспособились к новым условиям, рук не опускали.

Война опустошила окрестные деревни, у детей быстро кончилось детство, бабы, и без того не знавшие отдыха, выпраглись ещё туже. По ночам занималось зарево от Фирова и Осташкова, слышалась бомбёжка. Бабушка Настя, отправив на фронт двух

дорогих людей, осталась с сыном Петей, которому тоже вот-вот в армию (он тоже успеет на войну, будет курсировать на бронепоезде от Осташкова до Прибалтики) и с тремя мелкими. Жили голодно - "вчёрточку", как говорила бабушка.

Старшеклассник Коля Лазарев с друзьями-вожатыми

В сорок третьем вернулся мой отец. Он получил серьёзное осколочное ранение под Старой Руссой. Это было не первое его ранение, но сейчас его жизнь висела на волоске. Он лежал в госпитале в Бологом и тихо умирал. Уж как об этом узнала бабушка, однако она сумела добраться до него. Своинским "эшалоном", говорила она. Она везла сыну топленое молоко, в пути оно сверну-

лочки". Моя бабушка Настя выработала пенсию аж в двенадцать рублей. Это уже в шестидесятые годы, а поначалу колхозникам пенсия была вовсе не положена.

Отец, человек очень мягкий и даже местами жалостливый, распорядился однажды раздать колхозникам часть хлеба в счёт трудодней. Об этом прознал очередной уполномоченный, и — скорей к телефону: "Вредительство! Саботаж! Лазарев хлеб разбазари-

вает!". Насилу уговорил его отец, насилу упоил. В другой раз бабушка рубанула сгоряча: "Вы весь хлеб вывозите, а у нас люди скоро пухнуть начнут!". Уполномоченный взвился: "У председателя мать - враг народа!" И ничего, что жил у них неделями, пил-ел, да ещё и обстирывали его. Бабушка Поля Тарасова, свекровь тёти Али, приговаривала: "Раньше

Анастасия Чугунова со свекровью Зиновией и старшими детьми Колей, Петей и Машей

— Букине, Дмитровке "Митровке" — заказывали килограммов десять рыбы, присаливали её. Резали ягнёнка. На праздничный стол подавали сначала щи серые с мясом, потом суп, тоже мясной, кашу крутую из крупно молотого овса и молочную - из мелкого.

пример, мой прадед Афанасий серьёзно поигрывал в картишки. Картёжники собирались в Домкине, и ставки, говорят, были не детские. Прабабушка Катя даже опасалась, что её Фоня проиграет свои пустоши. Но, поскольку она была права очень кроткого и выражений

Тётка моего деда Евдокия Лазаревна с мужем

Ставили яичницу, рыбки из ржаного теста. Рыбу — в основном мелочь типа плотушек — выкладывали на большую сковороду веером спинками вверх и запекали в печке с яйцами и молоком. На сладкое был густой кисель в тарелках и компот из сушёных яблок и ягод. Чай не пили. Потом стал появляться студень и пироги из белой муки. Об отдельных тарелках и понятия не имели, все ели из общих чашек и даже, говорят, вино хозяин наливал в один стакан и подносил каждому по очереди. Потом этот процесс был усовершенствован. Гости семьями переходили от родни к родне, и застолье длилось до вечера. Но праздник не сводился к одному только застолью,

крепче "согрешишь, грешный" не применяла, то и влияния на мужа не имела. В дело вступила её решительная золовка Елена. Афанасий сестру послушался и бегать в Домкино перестал. Но чаще забавы у мужиков были мирные: просто собирались по избам поговорить, обменяться новостями. А пустоши свои дед Фоня, когда началась коллективизация, передал в колхоз. К слову, Елена, сестра Афанасия, была старой девой, но при том умудрилась научиться искусству принимать роды. Её звали к роженицам не только во Фролёве, но и в другие деревни.

Молодежь "тусовалась" отдельно. В моде были "беседы" — это когда парни и девки собирались в чьей-нибудь избе на

Мои родители Николай Александрович и Лидия Семёновна

лось, и отец, уже не могший ничего есть — его питали капельницей — под строгим материнским взглядом стал послушно глотать эту ряженку. Он побаивался её даже взрослый. Так бабушка снова дала жизнь моему отцу.

Дома он оправился, его позвали работать счетоводом в колхоз. За плечами у отца была семилетка, неплохое образование по тем временам. Затем он стал секретарём сельсовета, а оттуда его назначили председателем колхоза "Новый быт", объединившем Раменьё, Руднёво, Букино и Домкино.

"Колхозники работали как проклятые, так сейчас никто не работает", — рассказывает сестра отца Александра (тётя Аля). — Всю ночь лён треплют, утром свой скот бегом убирают, и — вновь в наряд на целый день. На ферме ещё тошней. Кроме дойки, нужно было прорву воды называть, нагреть её, всех напоить, навоз убрать. Корма тоже на руках, да если б они были, корма! Солому с крыш снимали. И сами голодные, обувка кой-какая". Получали за это "па-

попы были — им нужно было подношения делать. Но в церковь когда принесёшь, а когда и так помолишься. А вот теперь-то попы пришли! Хочешь не хочешь — отнимут".

Где-то в конце сороковых в те края получила распределение моя мама, Лидия Михайлова. "Выходил на поля молодой агроном..." Поселили её во Фролёво на квартиру. Дочка квартирной хозяйки Тамара Фёдоровна Бойкова сейчас живёт в Гачках, и она долго поддерживала отношения с нашей семьёй. Участок у мамы был нехилый — колхоз "Новый быт" из четырёх деревень плюс Кузино, Борки, Савёлово, Святики. Всё обходила пешком, во всё вникала внимательно. Тогда и в Фирово все ходили пешком, через Перелесок, говорят, не так уж далеко. Только волков после войны развелось — страшная сила, даже под окнами выли, и ходить было жутковато.

Елена ВАСИЛЬЕВА

Фото из домашнего архива автора

Продолжение следует